2 экз
„Пров 49“ 6/6

# Политическія ошибки.

Волненія, охватившія въ недавнее время молодежь русскихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и послѣдовавшія за этимъ событія заставляютъ глубоко задуматься всякаго русскаго человѣка, который любитъ свою родину, кому дороги счастіе, величіе и слава Россіи, кто съ малыхъ лѣтъ привыкъ гордиться тѣмъ, что принадлежитъ къ русскому народу.

Если бы волненія молодежи были вызваны только недовольствомъ тѣми или другими распоряженіями учебнаго начальства, тѣмъ или другимъ учебно-административнымъ лицомъ, — то эти волненія не имѣли бы значенія. Послѣ прекращенія ихъ, стоило бы только замѣнить нелюбимое лицо другимъ или отмѣнить непопулярное распоряженіе, и волненія не только бы утихли, но и не возобновились бы, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ.

Но дѣло въ томъ, что теперешнія волненія молодежи составляютъ лишь продолженіе цѣлаго ряда волненій и безпорядковъ прежнихъ лѣтъ и, слѣдовательно, указываютъ на какую-то постоянно дѣйствующую причину, которая ихъ вызываетъ. Разбирая характеръ этихъ волненій, кромѣ того, нельзя не видѣть, что вопросы чисто учебные являются обыкновенно лишь поводомъ къ волненіямъ и безпорядкамъ и что безпорядки вскорѣ затѣмъ принимаютъ оттѣнокъ оппозиціонный, если не явно враждебный правительству и существующему строю.

Принявъ въ расчетъ, что учебныя заведенія, въ

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

которыхъ учатся наши дѣти, наше юношество и молодежь, по силѣ своего вліянія на нихъ, далеко не могутъ сравниться съ вліяніемъ семьи и всей среды, въ которой живетъ и воспитывается молодое поколѣніе, — становится очевиднымъ, что причину волненій молодежи слѣдуетъ искать не исключительно въ той или другой организаціи учебныхъ заведеній, а въ общемъ недовольствѣ большинства образованнаго общества нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Бо́льшая часть образованнаго общества дѣйствительно недовольна, нерѣдко возмущена тѣмъ, что̀ творилось у насъ, начиная со второй половины царствованія Александра II, что̀ рѣзко усилилось при Александрѣ III и продолжаетъ твориться теперь. Про все это говорится въ семьяхъ и въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ; несмотря на строгую цензуру, это недовольство чувствуется и въ литературѣ; наконецъ, невзирая на всѣ строгости, въ Россію постоянно проскальзываютъ русскія изданія, печатанныя за границею, съ жадностью читаются, коментируются на всѣ лады и передаются изъ рукъ въ руки, при чемъ наиболѣе рѣзкія выдержки изъ нихъ очень часто распространяются въ спискахъ, гектографируются, литографируются... и среди всего этого растетъ молодежь.

Понятно, что она, какъ болѣе впечатлительная, горячая, несдержанная, неопытная, пользуется всякимъ случаемъ, даже радуется этому случаю, чтобы выразить то недовольство, на которомъ она выросла, которое въ себя впитала. Чѣмъ круче мѣры, принимаемыя властью для подавленія возникшихъ безпорядковъ, тѣмъ безпорядки сильнѣе разрастаются и тѣмъ болѣе нежелательными послѣдствіями они грозятъ въ будущемъ.

Такимъ образомъ, примѣненіе въ нынѣшнемъ году такъ называемыхъ временныхъ правилъ, состоящихъ въ зачисленіи виновныхъ студентовъ въ солдаты, вызвало такія событія, которыя имѣютъ уже явно

враждебный правительству характеръ: появились покушенія на жизнь непопулярныхъ правительственныхъ лицъ, и даже совершено политическое убійство.

Замѣчается кромѣ того, что послѣ приведенія въ дѣйствіе временныхъ правилъ даже умѣренная часть русскаго образованнаго общества стала по мнѣніямъ своимъ въ оппозиціонное, а подчасъ и во враждебное отношеніе къ правительству, и, такимъ образомъ, недовольство правительствомъ въ образованномъ обществѣ значительно возросло какъ по силѣ своей, такъ и по численности недовольныхъ.

Приведеніе въ дѣйствіе неудачныхъ, несчастныхъ по мысли временныхъ правилъ принесло однако же и еще другого рода вредъ: оно внесло разладъ въ военную среду и, въ особенности, въ тѣ части войскъ, въ которыя попали сданные въ солдаты студенты. Неизвѣстно еще, отразился ли этотъ разладъ и какъ именно въ средѣ солдатъ, но что мнѣнія общества офицеровъ раздѣлились — этому уже имѣются примѣры.

Всякій, кому дороги безопасность и могущество Россіи, глубоко скорбитъ объ этомъ несчастномъ обстоятельствѣ, а люди крайнихъ мнѣній, напротивъ того, привѣтствуютъ его, выражаютъ удовольствіе, что правительство своими мѣрами само вноситъ раздоръ и желательную имъ пропаганду въ войска, которыя до сихъ поръ были недоступны ихъ собственной пропагандѣ, а потому были для нихъ опасны и ненавистны.

Что же дѣлаетъ правительство послѣ подавленія открытыхъ безпорядковъ? Оно прежде всего тайно отмѣняетъ временныя правила, что, конечно, вскорѣ становится всѣмъ извѣстнымъ и не способствуетъ поднятію его престижа, и затѣмъ назначаетъ вмѣсто убитаго Боголѣпова новаго министра народнаго просвѣщенія, назначеніемъ котораго общество, пожалуй, пока и довольно, потому что надѣется, что

онъ, не принадлежа къ сухимъ, безжизненнымъ, жестокимъ схоластикамъ-бюрократамъ, заполонившимъ это министерство вмѣстѣ съ классицизмомъ, уничтожитъ университетскій уставъ 1884 года да, пожалуй, и самый ненавистный большинству классицизмъ. Но общество не знаетъ, каковы-то будутъ дѣйствія новаго министра по отношенію къ другимъ вопросамъ по народному образованію. Человѣкъ, который, въ бытность военнымъ министромъ, открыто хвалился своею неученостью, чтобы не сказать невѣжествомъ, можетъ явиться поборникомъ такихъ мѣръ, каковъ, напримѣръ, былъ проектъ наказа о народныхъ училищахъ его покойнаго предмѣстника и другихъ мѣропріятій того же характера. Но допустимъ, что дѣйствія новаго министра народнаго просвѣщенія въ большинствѣ окажутся популярными, уничтожится ли недовольство общества? Развѣ одними дѣйствіями этого министерства оно недовольно? Наивно было бы думать, что это такъ и что послѣ новаго назначенія наступитъ періодъ спокойствія и порядка. Достаточно привести хотя бы то, что всѣ мы съ 1881 года живемъ подъ дѣйствіемъ положенія объ усиленной охранѣ, т. е. во многихъ случаяхъ находимся въ полной власти администраціи, что мы не пользуемся неприкосновенностью личности и жилищъ нашихъ, что слово наше не свободно.

Вѣроятно, впрочемъ, нѣкоторыя высшія правительственныя лица это хорошо понимаютъ, а потому заблаговременно принимаютъ рядъ почти незамѣтныхъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныхъ мѣръ для дискредитированія въ глазахъ массы волнующагося и недовольнаго меньшинства.

Такъ напримѣръ, въ правительственномъ сообщеніи о безпорядкахъ 4 марта въ Петербургѣ на Казанской площади очень рельефно оттѣненъ и подчеркнутъ мелкій единичный фактъ, состоявшій въ томъ, что одинъ изъ студентовъ, загнанныхъ или

укрывшихся въ Казанскомъ соборѣ, былъ въ фуражкѣ и что нѣкоторые изъ студентовъ держали себя кощунственно.

Сторонники студентовъ утверждаютъ, что эти люди были переодѣтые агенты-подстрекатели, и приводятъ тому доказательства.

Предположимъ однако же, что это неправда, а что нѣсколько единицъ, неприлично державшихъ себя въ церкви, дѣйствительно принадлежали къ учащейся молодежи. Но много ли такихъ? А между тѣмъ массу, прочитавшую и безусловно довѣряющую правительственному сообщенію, этотъ единичный фактъ несомнѣнно приведетъ къ заключенію, что всѣ волнующіеся студенты — безбожники, а такъ какъ невѣжественная масса неспособна къ хладнокровной количественной оцѣнкѣ чего бы то ни было, то она легко можетъ перенести, и вѣроятно, и перенесетъ понятіе о безбожникахъ не только на волнующуюся часть молодежи, но и на всю учащуюся молодежь; отсюда недалеко уже до недовѣрія массы къ религіознымъ убѣжденіямъ и всего образованнаго общества, тѣмъ болѣе, что несоблюденіе имъ нѣкоторыхъ обрядовъ церкви, какъ напримѣръ, постовъ, даетъ уже въ глазахъ массы и само по себѣ къ тому поводъ.

Вторымъ, еще несравненно болѣе сильнымъ воздѣйствіемъ правительства въ томъ же направленіи, явилось дѣло о графѣ Л. Н. Толстомъ, т. е. опубликованіе, и притомъ въ правительственныхъ органахъ, наиболѣе распространенныхъ, какъ то въ „*Правительственномъ Вѣстникѣ*“, „*Сельскомъ Вѣстникѣ*“ „*Церковныхъ Вѣдомостяхъ*“ и проч., объ отпаденіи графа Толстого отъ православной церкви, о лишеніи его христіанскаго погребенія, опубликованіе письма графини Толстой и отвѣта на него митрополита Антонія, рядъ статей по тому же предмету въ „*Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*“ и, наконецъ, проповѣди, которыя повсемѣстно говорятся на ту же

тему въ церквахъ. Эти мѣры правительства несомнѣнно возстановятъ народную массу не только противъ графа Толстого, но и противъ почитающаго его образованнаго общества, возбудивъ въ массѣ религіозныя страсти. Образованное же общество онѣ уже оттолкнули еще болѣе отъ правительства и подчиненнаго ему духовенства, такъ какъ общество почти поголовно считаетъ эти дѣйствія позоромъ въ глазахъ всего міра, заслуживающими только презрѣнія. Къ тому же по приказу ли свыше, или отъ избытка усердія наше духовенство начало вслѣдъ за указомъ синода еще вести бесѣды съ молодежью въ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по дѣлу графа Толстого, разспрашивая учащихся, имѣлъ ли, по ихъ мнѣнію, право синодъ отлучить графа Толстого отъ церкви и какъ объ этомъ думаютъ у нихъ дома, т. е. въ семьѣ.

Можно себѣ представить то негодованіе, которое проявилось въ семьяхъ при разсказахъ дѣтей объ этихъ сыскныхъ пріемахъ, и тѣ рѣчи и мнѣнія, какія дѣти слышатъ по этому поводу у себя дома.

Повидимому, правительство серьезно испугалось и рѣшило примѣнить къ коренной Россіи тотъ же пріемъ, который неизмѣнно практиковался имъ на западныхъ окраинахъ при всякомъ проявленіи тамъ недовольства со стороны классовъ болѣе образованныхъ, а именно: правительство рѣшило опереться на народъ, понимая подъ этимъ именемъ невѣжественную массу; оно зажигаетъ въ ней политическія и религіозныя страсти, возбуждаетъ одну часть населенія противъ другой и вноситъ раздоръ, разъединеніе и вражду повсюду.

Говорить о нравственной сторонѣ этихъ дѣйствій — безполезно, гораздо важнѣе поставить вопросъ о томъ, умно ли все это, осторожно ли, не есть ли это политическая ошибка? Спокойно обсуждая этотъ вопросъ, приходится спросить себя, возможно ли этими мѣрами раздавить, уничтожить неудобные

для правительства безпокойные элементы и обуздать образованное общество, большинство котораго сочувствуетъ оппозиціи? Не слѣдуетъ забывать, что знанія, умственная работа этого образованнаго общества прежде всего необходимы тому же правительству, что оно привлекаетъ въ число своихъ чиновниковъ почти исключительно лицъ съ высшимъ образованіемъ, пожалуй, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ участвовавшихъ въ сходкахъ или имъ сочувствовавшихъ, что можетъ быть $^3/_4$ всего состава правительственныхъ чиновниковъ принадлежатъ къ тому же образованному обществу, что мысли и симпатіи большинства изъ нихъ — не на сторонѣ правительства, а что если это большинство до поры до времени молчитъ, то дѣлаетъ это подъ вліяніемъ нужды и боязни лишиться куска хлѣба, меньшинство же, и притомъ худшее, или лицемѣритъ, или принадлежитъ къ карьеристамъ.

Слѣдовательно, уже по одному этому нельзя истребить неудобные для правительства элементы, такъ какъ они входятъ въ составъ его самого; что же касается до обузданія образованнаго общества, то оно и теперь внѣшнимъ образомъ обуздано; оно не выходитъ на улицу, потому что сознаетъ невозможность этимъ путемъ чего-нибудь добиться и до поры до времени молчитъ, но заставить его думать и чувствовать иначе, чѣмъ оно думаетъ и чувствуетъ, — это уже внѣ дѣйствія власти.

Такимъ образомъ, разъединеніе и вражда внутри страны, возбужденныя мѣрами правительства, будутъ продолжать свое существованіе, дальнѣйшія старанія правительства „опираться на народъ“, т. е. на невѣжественную массу населенія, будутъ это разъединеніе и вражду раздувать все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться и слабость государства. Какъ же не признать такія дѣйствія власти политическою ошибкою.

Конечно, нельзя думать, чтобы студенческія де-

монстраціи, въ родѣ демонстраціи 4 марта на Казанской площади въ Петербургѣ, на Тверской въ Москвѣ или около театра въ Харьковѣ, не могли быть подавлены. Теперь было достаточно дѣйствія городовыхъ и казаковъ съ нагайками, слѣдующій разъ — нужно будетъ, пожалуй, произвести противъ толпы нѣсколько атакъ тѣхъ же казаковъ или кавалерійской части, еще позднѣе — можетъ быть, потребуется нѣсколько залповъ роты пѣхоты или, въ крайнемъ случаѣ, полубатареи артиллеріи; кое-кого изъ бѣглыхъ переловятъ и побьютъ затѣмъ лавочники или ломовые извозчики, потомъ большинство вышлютъ на родину, другіе понесутъ болѣе тяжелое наказаніе, и всему студенческому „бунту“ конецъ.

Почти то же слѣдуетъ сказать и о волненіяхъ среди фабричныхъ рабочихъ, нуждающихся и недовольныхъ вслѣдствіе развившагося у насъ въ послѣднее время промышленнаго кризиса; рабочихъ этихъ люди крайнихъ мнѣній стараются привлечь къ волненіямъ и безпорядкамъ и, — какъ показали послѣднія событія, — не безъ успѣха.

И эти безпорядки въ обыкновенное, мирное время, конечно, будутъ также подавлены, но раздраженіе, ненависть и дурныя страсти возрастутъ и распространятся еще болѣе и въ годину бѣдствій могутъ привести чуть-ли не къ междоусобицѣ, подорвать силу страны и сдѣлать ее добычею истинныхъ враговъ Россіи.

О какой же годинѣ бѣдствій идетъ здѣсь рѣчь?

Всякому, кто хотя сколько-нибудь слѣдитъ за современными событіями и вдумывается въ нихъ, ясно до очевидности, что въ недалекомъ будущемъ нашему отечеству придется вынести европейскую войну, передъ которой поблѣднѣетъ Крымская кампанія и съ которой можно сравнить развѣ только 1812 годъ.

Но средства и способы дѣйствія теперь другіе, чѣмъ это было сто лѣтъ тому назадъ, да и враги

наши не сдѣлаютъ теперь той ошибки, которую сдѣлалъ Наполеонъ I, вторгнувшись внутрь страны, а вся борьба, вѣроятно, будетъ сосредоточена на окраинахъ; но зато огнемъ будетъ охвачена Финляндія, Остзейскій край, вся наша западная сухопутная граница, будутъ связаны значительныя силы на побережьѣ Чернаго моря, наконецъ южная граница Закавказья, а можетъ быть, и дальній востокъ тоже могутъ сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій и потребуютъ обороны. Всѣмъ извѣстно, насколько недружелюбно для насъ настроены наши западныя окраины, и если онѣ теперь молчатъ, то это только означаетъ, что онѣ политически развитѣе, выдержаннѣе и опытнѣе насъ русскихъ, что тамъ существуетъ политическое единомысліе и дисциплина, которая, напримѣръ, во время послѣднихъ нашихъ русскихъ студенческихъ безпорядковъ проявилась хотя бы тѣмъ, что изъ всѣхъ университетовъ только Варшавскій и Гельсингфорскій да нѣмецкія корпораціи Юрьевскаго университета не приняли участія въ демонстраціяхъ русскихъ университетовъ. Зачѣмъ растрачивать попусту дорогія силы, думаютъ на окраинахъ, онѣ пригодятся тогда, когда наступитъ моментъ серьезныхъ дѣйствій... Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны все, повидимому, обстоитъ тамъ благополучно.

Но такъ ли это?

Друзья или враги живутъ на нашихъ западныхъ окраинахъ?

Во всякомъ случаѣ не друзья, и не только не друзья русскаго правительства, но и не друзья Россіи.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какую привлекательность, какую притягательную силу можетъ имѣть для нихъ страна, гдѣ дѣйствуетъ „положеніе объ усиленной охранѣ“, „временныя правила“, гдѣ людей бьютъ на улицѣ нагайками по лицу, гдѣ отлучаютъ отъ церкви величайшаго писателя, геніальность кото-

раго признана цѣлымъ міромъ, и гдѣ народъ, т. е. вся нація, все это терпитъ?

Опасность враждебнаго настроенія къ Россіи западныхъ ея окраинъ въ случаѣ европейской войны еще усугубляется и обостряется такъ называемымъ еврейскимъ вопросомъ.

Взгляды на этотъ вопросъ существуютъ разные, но здѣсь не мѣсто ихъ касаться; здѣсь важно только то обстоятельство, что такъ какъ евреи при нынѣшнихъ порядкахъ въ Россіи не могутъ разсчитывать на измѣненіе своего теперешняго положенія, то они естественно враждебны теперешнему порядку; они твердо помнятъ, что въ Румыніи, напримѣръ, евреи получили равноправность на Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ это условіе было навязано Румыніи, хотя и принадлежавшей къ побѣдоносной сторонѣ; тѣмъ болѣе евреи сумѣютъ найти пути, чтобы получить равноправность въ Россіи, если бы ей въ ожидаемой борьбѣ предстояло пострадать. Въ случаѣ войны евреямъ терять нечего, а такъ какъ это народъ сангвиническій, нетерпѣливый, и притомъ евреи всего міра солидарны между собою, вліяніе ихъ повсюду велико, и для нихъ эта война желательна, то еврейскій вопросъ долженъ ускорить наступленіе столкновенія запада съ Россіей.

Нельзя не признать, что при этихъ невыгодныхъ условіяхъ, въ случаѣ европейской войны, опасность велика, и устоять противъ столькихъ враговъ можно только при единодушномъ, самоотверженномъ дѣйствіи и отпорѣ всего населенія Россіи.

Время ли, даже при одномъ сознаніи возможности наступленія такихъ событій, возбуждать одну часть населенія противъ другой, вносить въ страну разладъ, вражду, разъединеніе и слабость?

Не безопаснѣе ли разсчитывать не на одну только неразвитую грубую массу, отъ которой можно ожидать лишь взрыва страстей и насилія, а опереться на всю русскую землю, на земскую всесословную

силу, и сплотиться съ ней для дѣла внутренняго успокоенія и противодѣйствія врагамъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Уже одно рѣшительное выступленіе правительства на этотъ путь привлекло бы на его сторону подавляющее большинство образованнаго общества, народная масса не имѣла бы ничего противъ созыва представителей земства, въ которомъ она сама участвуетъ, а противогосударственные, революціонные элементы, лишившись сочувствія общества, зачахли бы и вскорѣ умерли бы естественною смертью; наконецъ, только вступивъ на этотъ путь, можно постепенно, но прочно привлечь къ Россіи западныя окраины.

Да! но для этого нужно поступиться самодержавіемъ, которое вѣдь есть коренной, историческій устой Россіи, священный устой, благодаря которому Россія достигла того гигантскаго роста, того могущества и величія, которымъ она окружена теперь.

Такъ скажутъ наши консерваторы. „Всякому овощу свое время“, отвѣтимъ мы. То, что̀ было необходимо двѣсти, сто лѣтъ тому назадъ, теперь стало простою невозможностью.

Развѣ самодержавіе русскаго царя теперь существуетъ?

Его нѣтъ и давно уже нѣтъ, въ чемъ можно убѣдиться простымъ ариѳметическимъ расчетомъ, подсчитавъ время, нужное хотя бы для одного только бѣглаго прочтенія тѣхъ докладовъ, результатомъ которыхъ являются Высочайшія повелѣнія, какъ публикуемыя во всеобщее свѣдѣніе, такъ и тѣ, которыми переполнены дѣла всѣхъ вѣдомствъ. Царь не только не читалъ большинства этихъ докладовъ, но ему даже и вкратцѣ о нихъ не упоминали, онъ не знаетъ и не слыхалъ про существованіе большинства своихъ Высочайшихъ повелѣній.

Да, это несомнѣнно такъ въ дѣлахъ маловажныхъ, скажутъ приверженцы самодержавія, но въ дѣлахъ первостепенной важности...

А кто оцѣняетъ степень важности этихъ дѣлъ? Отъ кого зависитъ обратить вниманіе царя на тотъ или на другой вопросъ?

Самодержавенъ у насъ не царь, а его окружающіе, которымъ онъ по необходимости передалъ бо̀льшую часть своей самодержавной власти, а такъ какъ такая власть удобна, безотвѣтственна и сладка, то эти люди всегда будутъ громко вопіять противъ всякаго ограниченія самодержавія, придавая ему чуть ли не божественный смыслъ, указывая на историческое его значеніе, на тѣ опасности, которымъ подвергнется Россія, лишенная самодержавной власти, и на тѣ безобразія крайняго развитія парламентаризма, которыя проявились въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ странахъ Европы въ концѣ XIX вѣка.

Царя молятъ чуть ли не на колѣняхъ не нарушать этого святого историческаго устоя, конечно, убѣждаютъ его, а сами самодержавно и безотвѣтственно правятъ страной и доводятъ ее до того положенія, которое мы видимъ и которое представляютъ въ превратномъ видѣ царю, лишенному всякой возможности видѣть жизнь, какъ она есть.

Резюмируя сказанное, сторонники сохраненія нынѣшняго порядка вещей возразятъ: вы сами говорите, что въ обыкновенное, мирное время волненія учащейся молодежи и даже фабричныхъ рабочихъ безъ труда будутъ по̀давляемы, а потому эти явленія, какъ имѣющія малое значеніе и силу, не могутъ служить основаніемъ для измѣненія государственнаго строя Россіи. Что̀ касается до вліянія ихъ на успѣхъ ожидаемой европейской войны, то въ случаѣ, если такая война возникнетъ, — всѣ внутренніе счеты безъ сомнѣнія будутъ забыты, и все, что̀ только въ Россіи есть русскаго, будетъ охвачено такимъ подъемомъ духа, такимъ патріотическимъ одушевленіемъ, что этими внутренними недовольствами можно и совсѣмъ пренебречь.

Да и самой войны мы не боимся, ибо, во-первыхъ, у насъ есть въ Европѣ сильная союзница — Франція, а во-вторыхъ, теперешняя русская армія, какъ по ея численности, такъ и по организаціи и вооруженію, стоитъ весьма высоко; мы обладаемъ теперь и флотомъ, который тоже сдѣлаетъ свое дѣло, обширной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, да и вспомагательныя службы арміи, какъ напримѣръ: интендантство, медицинская часть и вообще все, что̀ нужно для правильнаго дѣйствія арміи, тоже значительно усовершенствованы. Поэтому мы можемъ спокойно взирать на предстоящую борьбу нашу съ западомъ, да и скоро ли еще она наступитъ, если вообще наступитъ?

Опытъ новѣйшей русской исторіи заставляетъ недовѣрчиво относиться къ подобному оптимизму. При Николаѣ I, благодаря уже и въ то время громаднымъ размѣрамъ государства и образцовому, по мнѣнію Государя, состоянію войска, Россія также казалась очень сильною, но Севастополь показалъ, что государство слабо, что механизмъ его гнилъ и негоденъ, и мы потерпѣли пораженіе. Въ 1863 году возстаніе Польши было усмирено, только благодаря тому, что ожидаемое вмѣшательство Франціи и Англіи не состоялось, и эти державы не довели дѣло до разрыва. Въ минувшую турецкую войну были напряжены всѣ силы уже реформированной Россіи, а между тѣмъ мы потерпѣли нѣсколько крупныхъ пораженій въ борьбѣ съ одной только Турціей и дошли до Константинополя, благодаря лишь невмѣшательству европейскихъ державъ. Но одной угрозы ихъ было достаточно, чтобы остановить насъ у воротъ Царьграда и заставить отбросить всякую мысль овладѣть не только проливами, но даже и безусловно необходимымъ намъ входомъ въ Черное море. Побѣдоносную Россію затѣмъ судили и унизили на Берлинскомъ конгрессѣ.

Успѣхи наши въ Азіи ничего не доказываютъ;

мы сильны тамъ не только оружіемъ, но и перевѣсомъ нашей культуры надъ культурою тѣхъ азіатскихъ племенъ, которыя мы себѣ подчиняемъ, а особенно сильны свойственнымъ русскому человѣку добродушіемъ и отсутствіемъ презрѣнія къ побѣжденнымъ. Но вѣдь при столкновеніи съ Европой мы будемъ имѣть дѣла не съ полудикими азіатскими народами, и потому каждый русскій невольно задумывается надъ тѣмъ, что̀ можетъ ожидать Россію въ войнѣ съ цѣлой группой западныхъ державъ, при ненависти къ ней всей западной окраины и еврейства, при недовольствѣ всего почти образованнаго класса и раздуваемой теперь правительствомъ розни внутри страны и ненависти однихъ слоевъ населенія къ другимъ.

Справедливо, что въ первый моментъ, подъ вліяніемъ надвигающейся общей бѣды, горячо написаннаго манифеста, торжественныхъ молебней, пѣнія „Спаси Господи люди Твоя“, появленія царя среди народа — взрывъ народнаго чувства будетъ небывалый, чувство это охватитъ всякаго русскаго человѣка, независимо отъ его убѣжденій и чувствъ въ обыкновенные будни, и горе тому, кто въ эти минуты останется холоденъ... Но такой взрывъ не можетъ быть продолжителенъ, появятся сначала смутныя, а потомъ и опредѣленныя извѣстія о неудачахъ, о проигранныхъ дѣлахъ, объ отступленіи, объ успѣхахъ непріятеля, потомъ явятся призывы Государя къ народной помощи, явятся жертвы и самопожертвованіе, но явится и раздумье...

Неуспѣхъ своего кровнаго русскаго — тяжелъ, подумаютъ многіе, сердце обливается кровью отъ слуховъ объ этихъ страданіяхъ, объ этихъ неудачахъ. Но вѣдь успѣхъ военныхъ дѣйствій, успѣхъ русскаго оружія будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхомъ того режима, того произвола, который мнѣ ненавистенъ, произвола, который, опираясь на этотъ успѣхъ, по минованіи опасности опять станетъ бить нагайками

моихъ сыновей, вскрывать мои письма, обыскивать мои бумаги, книги, вещи, лишать меня свободы, мѣшать мнѣ говорить и писать, натравлять на меня грубую массу, отлучать отъ церкви великихъ русскихъ людей, которыми я горжусь, успѣхамъ того режима, слуги котораго будутъ меня обворовывать и глумиться надо мной; неужели это опять повторится? Нѣтъ! Пусть лучше погибаетъ этотъ режимъ, погибаетъ этотъ произволъ, этотъ священный устой, это самодержавіе... Сознавая все это, не мнѣ спасать его отъ гибели!..

Но несмотря на эти тяжелыя, горькія мысли, лучшіе люди, горячіе патріоты будутъ все-таки держаться и биться до конца, жертвовать имуществомъ и жизнью въ борьбѣ съ иноземнымъ врагомъ.

Но найдется не мало и такихъ, на которыхъ эти мысли возымѣютъ свое дѣйствіе. Наконецъ, люди крайнихъ направленій несомнѣнно воспользуются трудностью положенія, всеобщей растерянностью, отсутствіемъ войскъ, стянутыхъ къ границамъ, чтобы вызвать желательные имъ безпорядки, и при повсемѣстномъ экономическомъ и промышленномъ кризисѣ, усиленномъ и обостренномъ войною, трудно даже себѣ представить, какія событія могутъ затѣмъ послѣдовать.

Опоры самодержавія, конечно, первыя потеряютъ голову, какъ по отзыву современниковъ это, напримѣръ, было весною 1863 года, когда со дня на день ожидалось появленіе англійскаго и французскаго флотовъ въ Балтійскомъ морѣ и высадка союзныхъ войскъ; эти опоры первыя будутъ предлагать заключеніе мира во что бы то ни стало, а затѣмъ дарованіе самыхъ либеральныхъ реформъ, чтобы успокоить страну.

Не поздно ли это будетъ?

Не лучше ли раньше объединить страну, сдѣлать такъ, чтобы не только грубая невѣжественная толпа кричала „ура“ царю, но чтобы и каждый мыслящій

русскій человѣкъ, любя Россію и гордясь ею, вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ бы и свое правительство и, въ случаѣ національной опасности или бѣды, поддерживалъ его и помогалъ, чѣмъ только можетъ, съ гордостью, любовью и самоотверженіемъ. Это можно сдѣлать, пока еще не поздно. Для этого нужно:

Нынѣ же обезпечить неприкосновенность личности и жилища каждаго и освободить слово, а затѣмъ немедленно созвать выборныхъ людей отъ каждаго губернскаго земства и возложить на нихъ совмѣстно съ лучшими людьми по выбору царю выработать устройство — конституцію — государства.

А какъ наши земства, да пришлютъ красныхъ, демагоговъ, что тогда? замѣтятъ охранители.

Нужно совсѣмъ не знать составъ и направленіе нашихъ губернскихъ земскихъ собраній, чтобы сказать это. Ненужный и вредный антагонизмъ земства и адмимистраціи созданъ искусственно все тѣми же охранителями, и нѣтъ сомнѣнія, что земство сумѣетъ стать на высоту той великой задачи, къ разрѣшенію которой оно будетъ призвано волею царя.

---

Вотъ рядъ мыслей, къ которымъ пришелъ старый человѣкъ, не мало видѣвшій и испытавшій на своемъ вѣку. Говорить красно — ему не дано, многое, конечно, онъ высказалъ неумѣло, многое, можетъ быть, совсѣмъ не сказалъ, но въ одномъ ему нельзя отказать — это въ искренности и горячей любви къ своему народу, къ своему царю, къ Россіи, да онъ и не можетъ органически не любить русскій народъ, русскаго царя и свою великую родину — Россію, потому что въ его жилахъ нѣтъ ни одной капли чужеземной, не русской крови. И хотѣлось бы ему сильно, чтобы царь прочиталъ его убѣжденную, хотя и неумѣлую рѣчь.

Но этому не бывать; у насъ въ Россіи строгая цензура, а для русскаго царя — особенно строгая.